

П. Светлов

**Мистицизм конца XIX века в
его отношении к
христианской религии и
философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П11

П11 **П. Светлов**
Мистицизм конца XIX века в его отношении к христианской религии
и философии / П. Светлов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 165 с.

ISBN 978-5-458-56485-4

ISBN 978-5-458-56485-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очевидно, жизненное слово должно быть своевременным: оно не должно быть преждевременным, съ нимъ нельзя и запаздывать.

Духовная печать въ одномъ случаѣ весьма убѣдительно и наглядно констатировала особенность нашего богословскаго апологетическаго слова,—постоянное его запаздываніе¹. Оно громить вольтерьянство въ то время, какъ общество увлекается Гегелемъ и Шеллингомъ; поражаетъ гегельянство, когда на смѣну ему выступилъ матеріализмъ и т. п. Оно бьетъ лежащихъ и тревожитъ тѣни умершихъ, если можно такъ выразиться. Оно дѣлаетъ насъ похожими на плохихъ врачей, которые продолжаютъ лѣчить болѣзнь одними и тѣми-же средствами, не смотря на явныя ея превращенія, или на тѣхъ ратниковъ-ополченцевъ изъ далекой Сибири, которые, по рассказамъ, явились на оборону Севастополя тогда, когда крѣпость была взята, война окончена и миръ заключенъ. И теперь мы еще продолжаемъ атаковать грубый метафизическій матеріализмъ энциклопедистовъ и Молешотта съ Бюхнеромъ, хотя даже заступившій его мѣсто Контовскій позитивизмъ и неокантизмъ претерпѣли многочисленныя превращенія включительно до мистицизма, который, выражаясь современнымъ научнымъ языкомъ, можно назвать заключительнымъ результатомъ въ сложной эволюціи метафизическаго матеріализма.

Раздѣлить-ли у насъ мистицизмъ судьбу другихъ переходящихъ теченій европейской мысли — неизвѣстно, но послѣднее слово о немъ теперь въ высшей степени своевременно, и оно предлагается здѣсь.

I.

Конецъ XIX в. ознаменованъ явленіемъ, напоминающимъ послѣдніе дни древняго, отживавшаго свой вѣкъ, античнаго міра,—окультизмомъ или тяготѣніемъ ума къ таинственному,

¹ См. въ „Православномъ Обзорѣнн“ за 1886 г. кн. II—III, ст. А. Ѳ. Гусева: *Левъ Николаевичъ Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра.*

непостижимому, при его общемъ положительномъ скептическомъ настроеніи отрицанія и невѣрія. Мистицизмъ грекоримскій, выражавшійся въ увлеченіи мистеріями, восточными религіями Египта, Вавилона и Индіи, особенно въ неоплатонизмѣ, былъ реакціею матеріалистическо-одностороннему направленію жизни со стороны человѣческаго духа, утомленнаго его пустотою. Начало интереса къ таинственному въ настоящее время совпадаетъ съ явными симптомами крайняго пресыщенія или утомленія ума пустотою матеріализма въ жизни и знаніи; онъ есть послѣдствіе скуднаго питанія души „рожками“ въ „дальней сторонѣ“ (Ев. Л. XV) и смутное безотчетное стремленіе духа на родину, въ область родной ему стихіи религіи и метафизики съ ихъ міромъ невидимаго, высшаго бытія. Теперь, какъ и тогда, опустѣлая душа европейца спѣшитъ заполнить пустоту свою на первыхъ порахъ туманомъ призрачной мудрости таинственной колыбели человѣчества, сѣдой Азіи, и черпаетъ себѣ живую воду въ нѣдрахъ буддизма, который, кстати, прекрасно отвѣчаетъ глубоко-пессимистическому настроенію европейца. Такова психологическая подкладка современнаго европейскаго увлеченія доктринами буддизма, разныхъ попытокъ построенія на его началахъ религіи и философіи, таковъ источникъ и знаменитаго „Теософическаго Общества“. Та же самая подкладка лежитъ и въ основаніи особенно-напряженнаго и повсемѣстнаго интереса къ загадочному въ области психическихъ явленій и сказывается въ усердномъ научномъ изученіи явленій телепатіи, ясновидѣнія, чтенія мыслей, предчувствій, видѣній, необыкновенныхъ сновидѣній и проч., особенно же гипнотизма съ его внушеніемъ и другими феноменами. Не говоря уже о салонномъ и ярмарочномъ гипнотизмѣ, который служитъ предметомъ празднаго любопытства и пустой забавы для толпы, и въ области научной гипнотизмъ занялъ особенное привилегированное положеніе, сдѣлавшись предметомъ усердной научной разработки. Ему посвящаются международные конгрессы, ученныя общества, спеціальныя журналы, какъ въ особенности французскій, издаваемый Берилльономъ (Berillon) съ 1887 г. въ Парижѣ, *Revue de l'Hyponotisme*, или

же Annales des sciences psychiques, изд. M. Dargieux также въ Парижѣ, и нѣмецкій Sphinx, основанный А. Н. Аксаковымъ въ 1886 году и издаваемый теперь въ Лейпцигѣ подъ ред. доктора правъ Huble-Scheiden'a, равно какъ другіе журналы разныхъ ученыхъ психологическихъ обществъ. Необозримая литература гипнотизма, одинъ перечень которой, напримѣръ, въ книгѣ Макса Дессуара, можетъ всякаго повергнуть въ изумленіе, есть живое и наглядное свидѣтельство необыкновеннаго увлеченія гипнотизмомъ¹. Что всего удивительнѣе, этому общему увлеченію какъ гипнотизмомъ, такъ и другими загадочными психическими явленіями поддавалась и точная экспериментальная психологія, по видимому поставленная на твердый путь такими ея представителями какъ Фехнеръ, Веберъ, Гельмгольцъ и Вундтъ: и она видитъ въ изслѣдованіи этихъ явленій полезное и даже необходимое себѣ дополненіе; гораздо болѣе, „окультическій“ оттѣнокъ весьма ясно замѣтенъ и въ экспериментальной психологіи. Это обстоятельство съ великимъ сокрушеніемъ констатируетъ *Вундтъ* въ своей брошюрѣ о гипнотизмѣ. Онъ жалуется, что теперь психологи удѣляютъ слишкомъ много вниманія таинственному въ психической области и что существующія въ Европѣ разныя психологическія общества экспериментальной психологіи измѣнили своему знамени, т. е. прежнему научному направленію, каковы: основанное въ Парижѣ докторомъ Шарко Société de Psychologie physiologique (съ 1885 г.), основанное въ 1890 году Мюнхенско-

¹ Max Dessoir. Bibliographie des modernen Hypnotismus, Berlin 1888, съ дополн. 1890. Да и этотъ перечень, говорить, не полонъ: см. проф. А. Н. Гилярова *Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы*. Кіевъ 1894, стр. 14.—Самое увлеченіе это объясняется, можетъ быть, обиліемъ таинственныхъ феноменовъ въ гипнотизмѣ, обнимающихъ здѣсь почти всю область психопатологической магіи, возможностью экспериментальнаго изученія и искусственнаго ихъ воспроизведенія по произволу; наконецъ, особенно, какъ кажется, притягательную сторону гипнотизма составляетъ необыкновенно-поразительный и эффектный его феноменъ,—внушеніе (suggestion), выдѣлившій изъ себя отдѣльную группу явленій въ этой области и особую отрасль изслѣдованій подъ названіемъ *суггестіонизма* (der suggestionismus).

Берлинское „Общество психологическаго изслѣдованія“ (Gesellschaft für psychologische Forschung), таковое же общество въ Мюнхенѣ, посвященное сомнамбулизму, въ его различныхъ видахъ, и спиритизму (Gesellschaft für wissenschaftliche Psychologie). По заявленію Вундта такъ называемая *физиологическая психологія* въ Германіи „влачить только очень скромное и подчиненное существованіе“. Но и общая психологическая и философская литература, по наблюденію его же, не уклоняются отъ этого теченія времени. „Самый большой изъ философскихъ журналовъ Франціи, прекрасно редактируемый, Revue Philosophique, съ одинаковою охотою помѣщаетъ сообщенія какъ объ опытахъ съ гипнотизмомъ, такъ и о телепатіи, животномъ магнетизмѣ и т. п. Также и нѣмецкіе философскіе журналы, повидимому, не хотятъ уже болѣе уклоняться отъ примѣра, даннаго имъ такими образцовыми заграничными органами“...¹. Но еще лучше иллюстрируетъ это положеніе вещей размноженіе въ послѣднее время психологическихъ обществъ, спеціально посвященныхъ „окультизму“, въ Англии, Франціи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ. Первымъ въ ряду ихъ по времени и по своему значенію стоитъ несомнѣнно „Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій“, основанное въ 1882 г. (Society for Psychical Research) съ его трудами (Journal of the Society for Ps. Res., ежем., и Proceedings S. P. R.). Въ программу его занятій прямо входитъ изученіе гипнотизма, месмеризма, ясновидѣнія, одизма, спиритизма и др. сродныхъ явленій, особенно телепатіи, въ качествѣ главнаго и спеціального предмета. Въ слѣдъ за этимъ обществомъ и по его образцу явилось много и другихъ подобныхъ обществъ, напримѣръ въ Америкѣ, основанное проф. Minot въ 1885 г., „Американское Общество Психическихъ изслѣдованій“ (American Society for Psychical Research), въ Швеціи Sven-

¹ В. Вундтъ. *Гипнотизмъ и внушеніе*. Пер. съ нѣм. Н. Колубовской. М. 1893 г. См. стр. 4—7. «Такова ужъ естественная особенность философіи», замѣчаетъ Вундтъ, «что она носитъ на себѣ слѣды не только научныхъ успѣховъ своего вѣка, но и его ошибокъ и заблужденій». Стр. 81.

ska Samfundet för Psykisk Forskning, существующее съ 1890, „Изида“ (Isis) въ Килѣ и др. Весьма явные отголоски этого интереса къ таинственному можно замѣтить и у насъ, — не столько въ существованіи журнала подъ именемъ „Ребусъ“, изд. въ С.-Петербургѣ, сколько въ послѣднемъ переводѣ на русскій языкъ иностранной литературы, особенно по гипнотизму, въ обсужденіи иногда вопросовъ этого рода на страницахъ журналовъ или, лучше, Московскаго журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“, отчасти въ самомъ „Московскомъ Психологическомъ Обществѣ“, издающемъ этотъ журналъ, а болѣе всего въ бесконечныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ таинственныхъ вкривь и вкось...

Все, выше сказанное, позволяетъ отмѣтить одну существенную черту въ современномъ мистицизмѣ: онъ приурочивается исключительно къ области необыкновенныхъ психическихъ явленій и можетъ быть названъ *психологическимъ* въ отличіе отъ древне-языческаго, который слѣдуетъ назвать *метафизическимъ* и *религиознымъ*, а также и средневѣковаго, который не иначе можно опредѣлить, какъ назвавши его *физическимъ*, поскольку онъ главнымъ образомъ направляется на предметы и явленія физической природы и имѣлъ цѣлю познаніе ея сокровенныхъ тайнъ.

Но не только этотъ психологическій характеръ отличаетъ новый мистицизмъ отъ древне-языческаго и средневѣковаго, но и другія важныя черты рѣзко его отличаютъ отъ нихъ. Съ древне-классическимъ современнымъ *психологическій мистицизмъ* имѣетъ общее лишь въ исходномъ своемъ началѣ, и расходится существенно во многомъ.

Древне-классическій мистицизмъ былъ лишь временнымъ или переходнымъ и неустойчивымъ состояніемъ души, утомленной крайностью матеріализма и нашедшей въ мистицизмѣ временное успокоеніе и отдыхъ, чтобы снова вернуться къ нему, когда мистицизмъ утратитъ обаяніе новизны. Онъ былъ моментомъ безплодной и бесполезной для души праздности, временною остановкою въ ея дѣятельности, простымъ развлеченіемъ и отдыхомъ. Таинственное тогда служило лишь средствомъ, а не цѣлю мистицизма, и интересъ къ нему не былъ

серьезнымъ исканіемъ свѣта, выхода изъ темноты: необузданная фантазія, заступившая мѣсто разума, погружала душу въ еще большій мракъ... Совсѣмъ иной характеръ получила мистичизмъ европейскій. Европейскій умъ, обратившись отъ міра матеріальнаго къ области таинственнаго, внесъ немедленно въ нее свои привычки, вкусы, свою атмосферу свойственнаго ему, временемъ выработаннаго, точнаго мышленія съ его плодотворною для знанія дисциплиною,—съ его методами точнаго опыта и наблюденія. Другими словами, европейскій мистичизмъ получилъ научный характеръ въ отличіе отъ древняго: онъ не простое отдохновеніе ума на новыхъ предметахъ и впечатлѣніяхъ, не развлеченіе и временный капризъ ума, а серьезное, много обѣщающее для науки о чловѣкѣ, дѣло. Таинственное для него не есть предметъ празднаго любопытства и пища фантазіи, а новая область фактовъ, которые онъ вводитъ въ кругъ научнаго изслѣдованія на однихъ правахъ съ другими фактами. Такимъ образомъ, мистичизмъ обрѣлъ здѣсь себѣ не отдыхъ, а новую работу съ новыми задачами въ той области, которая ему прежде такъ была чужда; въ этой области таинственныхъ явленій духовной жизни европейскій умъ обрѣлъ, благодаря своей серьезной дисциплинѣ, подходящую для него почву или мостикъ для перехода изъ затхлой атмосферы *материализма* въ новый широкій міръ чудесъ чловѣческой души съ ея неизсякаемымъ богатствомъ, въ область *спиритуализма*. Мистическое—это та почва, на которой спиритуализмъ открываетъ смертельную войну матеріализму и по собственному сознанію послѣдняго, и современный мистичизмъ поэтому получаетъ въ глазахъ всякаго понимающаго дѣло и дорожащаго истиною великое значеніе могущественнаго орудія для борьбы истины съ ложью, спиритуализма съ матеріализмомъ. „Убѣждаться въ истинности чего-либо“, справедливо рассуждаетъ г. *Вл. Соловьевъ*, „можно тремя путями: религіознымъ, черезъ откровеніе свыше и свидѣтельство священныхъ авторитетовъ; чисто-раціональнымъ, посредствомъ философскаго размышленія, и эмпирическимъ—въ силу фактовъ опыта. Религіозныя основанія истины пріемлются только вѣрующими, чисто-ра-

ціональныя или философскія убѣдительно только для меньшинства, способнаго къ умозрительному мышленію; эмпирическія доступны всѣмъ и каждому“.

„Отсюда понятенъ общій интересъ къ (таинственнымъ психическимъ) явленіямъ... При изученіи этихъ явленій самыя великіе и важныя для человѣка вопросы изъ святилища вѣры и съ недосыгаемыхъ вершинъ умозрѣнія переносятся на открытую и общедоступную площадь матеріальныхъ фактовъ; здѣсь спиритуалисты стараются побѣдить материализмъ въ его собственной области“¹.

Въ виду этихъ особенностей мистицизма, его научнаго и жизненно-практическаго характера, т. е. соотвѣтствія просыпающимся высшимъ запросамъ въ современной душѣ, для которой рамки матеріалистической науки стали тѣсны, не трудно предвидѣть, какія великія услуги онъ долженъ будетъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ оказать современному образованному уму, сбившемуся съ прямого пути къ истинѣ. Выше всякаго сомнѣнія, что онъ не пойдетъ къ ней прямымъ кратчайшимъ путемъ, который открывается ему въ Христіанской Церкви. Привыкнувъ блуждать въ потемкахъ, онъ на первыхъ порахъ будетъ довольствоваться полумракомъ таинственнаго, чтобы, мало по малу приучивши свое зрѣніе къ свѣту, потомъ безъ вреда для зрѣнія открыть глаза свои яркому свѣту Христовой истины. О мистицизмѣ слѣдуетъ сказать то же, что сказано св. *Василіемъ Великимъ* о древнеклассической мудрости въ ея отношеніи къ Христіанству, служившей для язычества естественною переходною къ нему ступенью. Въ христіанскую жизнь, говоритъ онъ, „вводятъ насъ, конечно, священныя писанія...; но пока, по возрасту, не можемъ изучить глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное

¹ Э. Гервей, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ, *Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія*. Съ англ. «Phantasms of the Living» сокращ. пер. подъ ред. и съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Спб. 1893, предисловія стр. III. (Рѣчь идетъ здѣсь о явленіяхъ телепатіи, но сказанное имѣетъ полное примѣненіе и къ другимъ таинственнымъ психическимъ явленіямъ).

око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ, подражая упражняющихся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣта опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ... Подобнымъ образомъ и мы..., посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту“.¹ Эти великія слова продиктованы глубокою мудростью или знаніемъ человѣческой души и истинною христіанскою любовью святого отца къ немощнымъ въ вѣрѣ, дѣлающимъ первые невѣрные шаги къ истинѣ. Слова эти содержатъ въ себѣ благодѣтельное напомнаніе всякому богослову-апологету о безусловной необходимости въ его трудахъ на пользу истины Христовой милосерднаго снисхожденія къ немощамъ ближняго, особенно въ вѣрѣ, и любви къ нему, — той любви, которая какъ во всякомъ истинно христіанскомъ дѣлѣ, такъ и въ апологетической богословской дѣятельности стоитъ выше и прежде знанія, въ которомъ полагаютъ ея силу, ибо и здѣсь, въ области апологетическаго слова, мы воопію можемъ ведѣть доказательство той истины, что всякое человѣческое слово, даже если бы оно было совершеннѣе человѣческаго, безъ любви — „мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій“ (1 Кор. XIII, 1 и д.). Безъ сомнѣвія, для настроенной такимъ образомъ богословской апологетической мысли современный мистицизмъ является истинно-драгоценною находкою, какъ самое подходящее для ея цѣлей средство. Она никакъ не можетъ стать въ сторонѣ отъ разсматриваемаго движенія въ современномъ образованномъ человѣчествѣ, движенія къ свѣту, какъ бы ни была странна повидимому форма, которую оно теперь имѣетъ; она постарается извлечь все нужное для своихъ цѣлей и изъ „жалкихъ гипнотическихъ кудесничаній“, какъ названы въ одномъ духовномъ журналѣ научныя занятія гипнотизмомъ, она и

¹ Св. *Василій Великій* Бес. 22 «Къ юношамъ о томъ, какъ получать пользу изъ языческихъ сочиненій» (Творенія ч. IV. по изд. 3-му М. Д. А. 1892, стр. 320—321).

здѣсь должна будетъ стоять на высотѣ апостольской заповѣди быти всѣмъ вся при свободѣ отъ всѣхъ (1 Кор. IX, 19—22). Современныя „гипнотическія кудесничанья“ принадлежалъ именно къ категоріи продуктовъ образованности „не вовсе далекихъ“ отъ Христіанской истины, по выраженію св. *Василія Великаго*. Во всякомъ случаѣ они не могутъ идти въ какое-либо сравненіе съ бреднями, напр., астрологіи и алхиміи, такъ какъ въ основаніи ихъ лежатъ факты, хотя и не вполне изученные. Однако, если-бы и астрологія могла быть полезна для обращенія заблудшаго ума къ истинѣ, то любовь христіанская снизошла бы и къ этой немощи человѣческаго ума, чтобы поднять его до себя. Дѣйствуя такъ, богословъ-апологетъ подражалъ бы самому Богу; а какъ—объ этомъ поучаетъ св. *Іоаннъ Златоустъ*, когда разсуждаетъ о поклоненіи Господу волхвовъ. „Посмотри“, говоритъ онъ, „на премудрость Божию, какъ Онъ призвалъ ихъ (волхвовъ). Онъ не послалъ къ нимъ ни пророка: ибо его они не приняли бы;—ни апостола: ибо его они не послушали бы;—ни писаній: ибо ихъ они не знали;—но собственными и сродными имъ предметами извлекъ ихъ изъ заблужденія. Такъ какъ они были волхвы и занимались звѣздами, то является звѣзда, которая влечетъ ихъ за предѣлы ихъ отечества, звѣзда не изъ видимыхъ нами, но нѣкоторая божественная и невидимая сила, принявшая видъ звѣзды; звѣзда влечетъ ихъ, чтобы освободить ихъ отъ занятія звѣздами и разрушить владычество звѣздоучетства. Такъ поступилъ и Павелъ, подражая своему Владыкѣ: *подражатели мнѣ бывайте*, говорилъ онъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. 4, 6). Какъ Владыка его, призывая волхвовъ, послалъ видъ звѣзды, чтобы они, узнавъ знакомый предметъ, удобнѣе послушались, и пришедши, увидѣли самого Владыку звѣздъ, и чтобы, освободившись отъ того рабства, покорились этому владычеству; такъ точно и Апостоль, желая отмѣнить обрѣзаніе, послалъ къ Іудеямъ Тимоея, совершивъ надъ нимъ обрѣзаніе..., поступивъ подобно рыболовамъ, которые опускаютъ уду въ море не обнаженною, но покрывъ ее мясомъ. Итакъ можно сравнить синагогу съ моремъ, Іудеевъ съ рыбами, Тимоея съ удою, обрѣзаніе съ мясомъ, а Павла

съ рыболовомъ. Онъ бросаетъ уду въ море не обнаженную, т. е. посылаетъ Тимофея обрѣзаннымъ, а не необрѣзаннымъ; ибо, если-бы онъ послалъ его необрѣзаннымъ, то рыбы ушли бы, увидѣвъ уду обнаженную; потому онъ и покрываетъ ее обрѣзаніемъ, чтобы они, замѣтивъ обычное, бросились на приманку, чтобы не отогнать добычи, бросающейся на приманку, чтобы привлечь ихъ обрѣзаніемъ, а удержать словомъ ученія, какъ и случилось. Ибо, пришедши къ нимъ, Тимофеей обрѣзанный уничтожилъ обрѣзаніе. Таковы дѣла домостроительства Божія; сначала Онъ снисходитъ къ людямъ, а потомъ восстанавливаетъ ихъ“¹.

Чѣмъ была астрологія для языческихъ волхвовъ или „мудрецовъ“ восточныхъ, тѣмъ, можетъ быть, современный оккультизмъ станетъ для нынѣшнихъ мудрецовъ европейскаго матеріалистическаго просвѣщенія. Въ немъ дается ему точка соприкосновенія съ чуждымъ ему міромъ христіанскихъ идей; въ немъ наука выступаетъ изъ тѣсныхъ предѣловъ чувственно-матеріальнаго міра и поднимается на одну плоскость съ христіанскимъ міросозерцаніемъ въ нѣкоторыхъ основныхъ его моментахъ. Къ этой мысли прямо ведутъ заявленія самихъ ученыхъ адептовъ научнаго оккультизма о его значеніи для нихъ. Вотъ какое признаніе читаемъ мы въ книгѣ одного нѣмецкаго психолога-медика о внушеніи, получившей большую извѣстность въ литературѣ: „авторъ самъ можетъ признаться, что уже давно ничто въ такой степени не сближало его съ христіанскою (католическою) религіей, какъ его занятія суггестіонизмомъ и соприкосновенными съ нимъ предметами. Суггестіонизмъ—вотъ, наконецъ, тотъ путь, который выведетъ насъ снова къ болѣе широкому пониманію міра изъ узкой земной клѣтки матеріализма, заключившей наше время! Благо намъ, что такой путь можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ путемъ! Ужъ, конечно, лучше приобрѣсти вмѣсто „слѣпой вѣры угольщика въ сверхъестественное“ познаніе сверхъестествен-

¹ См. I. Златоустъ «Бес. въ присутствіи готеевъ» (Слова и бес. на разн. случаяхъ. Спб. 1865, т. 2, стр. 364—366). Мысль святаго отца оглашена въ тропарѣ праздн., — въ словахъ: «звѣздамъ служащи звѣздую учасуса Тебѣ кланятися, Солнцу правды» и дал.